

Подобно тому как для создания новой религии Л. Толстой использовал то, чем лучше всего владел, а именно – литературу, Н. Рерих – живопись, Н. Федоров хотел использовать то, что знал лучше всего, – музеи. Сам он не только много лет проработал в музеях и библиотеках, знал каждую книгу, но и очень хорошо знал музейную среду. Его взгляды привлекли внимание музейщиков именно потому, что неосознаваемую религиозность многих работников музеев, сохранившуюся до сих пор, он предлагал сделать открытой, очевидной, сознательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федоров Н. Ф.** Из философского наследия / авт.-сост. : О. А. Аксеничев и др. ; отв. ред. Т. Г. Шумная // Музейное дело : сб. – М., 1995. – Вып. 23. – 560 с.
2. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad marginem, 1999. – 460 с.
3. **Гройс Б.** Утопия и обмен. – М. : ЗНАК, 1997. – 374 с.
4. **Федоров Н.** Сочинения / общ. ред. А. В. Гулыга ; вступ. ст., примеч. и сост. С. Г. Семенов. – М. : Мысль, 1982. – 650 с.

УДК 930+94(4+7)+327(1-87)

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

М. Е. Давыдов (Новосибирск)

В данной статье раскрываются культурологические основы «холодной войны», изучаемые в западной и отечественной историографии. Рассматривается формирование новых подходов к генезису «холодной войны», изучающих проблему с точки зрения ментальной истории. Выявляются основные закономерности данного процесса, характерные для современной западной и отечественной историографии.

Ключевые слова: «холодная война», конфронтация, антикоммунизм, империализм, биполярность.

THE PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE «COLD WAR» HISTORIOGRAPHY

M. E. Davidov (Novosibirsk)

In the article there are revealed the cultural foundations of the Cold War, studied in the western and national historiography. The author considers the formation of new approaches to the origins of the Cold War, which study the problem in the perspective of the mental history. There are identified the

---

Давыдов Максим Евгеньевич – аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.
E-mail: david-82@mail.ru

main regularities of this process, which are typical for the modern western and national historiography.

Key words: *Cold War, confrontation, anticommunism, imperialism, bipolarity.*

Современная историография «холодной войны» содержит много вариантов разрешения проблемы генезиса биполярности. Эта множественность является следствием эволюции постревизионистских и основанных на концепции политического реализма интерпретаций происхождения конфронтации, а также развития принципа комплексности и междисциплинарности данных исследований.

Таким образом, появившаяся в начале 1990-х гг. новая история «холодной войны» (современная историография, основанная на новых источниках, ставших доступными после распада СССР) изначально развивалась по пути увеличения числа подходов к истокам «холодной войны». Экономические [1], дипломатические [2], политологические [3], социологические [4] аспекты данной темы на сегодняшний день представлены во многих исследованиях зарубежных и российских ученых.

Однако на сегодняшний день в ходе взаимодействия историков в рамках ряда международных программ по изучению «холодной войны» [5–6] в историографии данной конфронтации постепенно усиливается интерес историков к идеологическим, ментальным и культурологическим аспектам данного явления. Идет процесс по формированию новой методологии изучения «холодной войны» на основе обобщения тех разнообразных подходов, которые возникли в последние двадцать лет.

Обращение к идеологии как причине конфликта и к антиимпериалистическому и или антикоммунистическому дискурсам как к ментальным истокам конфликта в историографии «холодной войны» происходило еще до ее окончания.

Историография «холодной войны» до 1991 г. в целом использовала стандартные идеологические клише, и здесь критику идеологических концептов зачастую трудно отделить от официальной пропаганды. В США о «коммунистической угрозе» много говорили историки ортодоксального направления, например Г. Фейс [7].

Противники ортодоксов, историки ревизионистского направления, наоборот, подвергали критике империализм как доктрину американской политики и указывали на его экспансивность. Например, Т. Дж. Паттерсон замечал: «холодная война была не столько конфронтацией Соединенных Штатов с Россией, сколько американской экспансией во внешний мир» [цит. по : 8, р. 191].

В советской историографии более пристально исследовалась структура пропаганды США. Предметом данных исследований, как правило, была информационная и психологическая война, ее основные идеи и методы [9–10].

В современной западной историографии «холодной войны» главным духовным аспектом генезиса конфронтации является существенная разница между определениями свободы и справедливости, которая характерна для русского и американского менталитета. Ведущей идеей у многих западных историков (Дж. Л. Гэддис, М. П. Леффлер, О. А. Вестад, Б. Што-

вер и др.) на сегодняшний день является тезис о том, что «холодная война» стала результатом конфликта путей развития. Либеральное понимание свободы пришло в столкновение с марксистским пониманием справедливости. Согласно Дж. Л. Гэддису, «холодная война» была не просто геополитическим противостоянием атомных супердержав, а соревнованием в ответе на вопрос: «как лучше организовать человеческое общество?» [11, р. 84]. Базовые идеи свободы и справедливости, лежащие в основе социального конструирования, в конечном счете привели к противоположным результатам в развитии США и России. По Дж. Л. Гэддису, революция в США носила освободительный характер и привела к становлению одного из самых свободных обществ на планете, которое постепенно преодолевало расовую и половую дискриминацию. Революция в России носила классовый характер и была попыткой ускорения истории, что привело к тому, что Сталин создал «государство, в котором свободы нет вообще» [11, р. 7–8].

Таким образом, указанные американские историки считают, что противоположные вектора общественного развития, заданные в конце XIX – начале XX вв. «США – свобода, России – справедливость», вели к конфронтации.

Детализируя свою концепцию, американские ученые указывают на идеологизацию сознания советских и американских лидеров как на причину «холодной войны». Так, сравнивая мышление и идеологические установки лидеров СССР и США, М. П. Леффелер пишет: «марксизм-ленинизм стал религиозной доктриной Сталина, а его ритуальной практикой – «делать революцию» [12, р. 12]. Трумэн был простым «проамериканцем <...> Он любил свою страну. Он разделял ее заветные ценности: либерализм, индивидуализм и свободное предпринимательство» [12, р. 39, 47]. Таким образом, историк обращает внимание на то, какое влияние оказывала идеологизация сознания руководителей государств на их действия на внешнеполитической арене.

Остро ставит вопрос о влиянии экспансионистских идей на политику советского руководства наш бывший соотечественник В. М. Зубок. Он формулирует понятие «революционно-имперская парадигма», которое, согласно автору, господствовало в сознании И. Сталина и руководства СССР в целом. «Конфронтация с Западом и миф о враждебном окружении были для Сталина теми инструментами, которые позволяли искоренить инакомыслие <...> внутри страны» [13, р. 6].

Исходя из этих посылок, в современной западной историографии сформировались представления о принципиальном кризисе взаимного непонимания и невозможности построения конструктивного диалога Восток–Запад для преодоления противоречий между различными социальными системами.

Так, Ж.-К. Ромер указывает, что обострение противоречий в период 1946–1947 гг. связано с появлением атомного оружия и его постепенным превращением в инструмент политики [14, с. 35]. Мир находился под защитой ядерного сдерживания в силу того, что война с применением атомного оружия была бы бессмысленна. Поэтому возобновление (или оживление) диалога принципиально разных систем стало главной движущей

силой «холодной войны». И здесь важна именно сама терминология, те смыслы слов, которые политики использовали во внутренней и внешней политике. Зачастую штампованность фраз, редукция их смысла, порожденные самими политиками, приводили к тому, что в данном диалоге желаемое выдавалось за действительное. Это обостряло обстановку и углубляло взаимное недоверие и недопонимание между сверхдержавами и их лидерами. Отсутствие понятийного инструментария, необходимого для адекватной коммуникации в период 1946–1947 гг., было predeterminedено, согласно Ж.-К. Ромеру, еще задолго до 1917 г. Этот феномен невозможности полноценного диалога и стал одной из важнейших причин «холодной войны» [14, с. 32–33, 35].

В отечественной историографии теория «ошибочного восприятия» также получила серьезное распространение. Так, в середине 1990-х В. И. Батюк и Д. Г. Евстафьев указывали на страх перед «русским медведем» в среде американского истеблишмента как одну из движущих сил конфронтации. Возникновение этого коллективного бессознательного архетипа историки связывают с так называемой «рижской школой». В период отсутствия дипломатических отношений между СССР и США многие американские дипломаты, например Дж. Кеннан, изучали русский язык в Риге. Это способствовало проникновению антироссийского настроения в среду американских политиков [15, с. 42].

Сам Кеннан в своих воспоминаниях указывает на то, что неприятие российского образа жизни носило в большей мере подсознательный характер. Американский дипломат часто упоминает о чувстве облегчения, «которое испытывает каждый тонко чувствующий житель Запада, когда покидает Россию с ее напряженным политическим климатом и оказывается в более привычной и надежной атмосфере западной страны. Я уверен, что это чувство контраста между российской и нероссийской реальностью присуще всякому европейцу или американцу, живущему в России, даже если он этого не осознает, и оно не может не влиять на его отношение ко многим политическим проблемам» [16, с. 182–183].

Развитие отечественной историографии «холодной войны» и обобщение антироссийских дискурсов в 2000-х гг., привело к постановке проблемы о культурологических ментальных противоречиях между СССР и США, как о важнейшей причине холодной войны [17–18].

Так, А. И. Уткин во многих работах упоминал о проблеме взаимного восприятия между Америкой и Россией в период начала «холодной войны» из-за особого характера происхождения русской цивилизации, которая «всегда стояла между двумя грандиозными цивилизациями – китайской и западноевропейской» [19, с. 6]. «Индивидуализм и либерализм Запада несовместим с коллективизмом россиян. Патерналистский менталитет, свойственный России, чужд американцам, из-за чего и возникают проблемы коммуникации» [19, с. 373].

В середине 2000-х культурологическая и ментальная составляющая в исследованиях по «холодной войне» продолжает усиливаться. Этот процесс взаимосвязан с разработкой многими политологами и обществоведами (С. Г. Кара-Мурза и др.) концепции об углубляющемся информационном противоборстве России и Запада. «Холодная война» с этой точки зре-

ния рассматривается как часть культурной и идеологической экспансии Запада.

Этот процесс находит свое отражение и в историографии «холодной войны». Так, В. Л. Мальков [20] рассматривает движущие силы холодной войны как мыслительные субстанции, дискурсы, живущие в индивидуальном и коллективном сознании, и постоянно проявляющие себя в реальном поведении политиков и дипломатов. Согласно автору, идеологический раскол и неприятие Западом коммунизма в действительности скрывает под собой ряд социокультурных феноменов, составляющих суть конфронтации между Россией и Западом. Изначально Запад, и в частности Европа, в течение длительного исторического периода (предшествовавшего революции 1917 г.) рассматривали Россию как «чужого среди своих».

Историк указывает, что в период начала «холодной войны» Россия рассматривалась как государство, с трудом вписывающееся в европейское культурно-историческое пространство. В западном культурном пространстве господствовали мысли о том, что геополитическое положение России уникально и позволяет консолидировать столь огромные материальные и духовные ресурсы, что она априори представляет угрозу.

Говоря о причинах «холодной войны», В. Л. Мальков указывает на культурный надлом середины XX в., «повинуясь которому, правительства великих держав выстраивали свою политику, откликаясь на чувство небезопасности у больших масс людей и подчиняя их блоковым интересам» [20, с. 7]. Автор обращает внимание на экзистенциальный вакуум, возникающий в ходе слома сознания, и сведения смысла жизни к противоборству и воздвижению мессианской идеи, в частности, со стороны Америки.

Искажение и трудность восприятия самих себя и друг друга сверхдержавами демонстрируют, по В. Л. Малькову, невнимание к культурному и наследственному коду, которое проявили дипломаты обеих сторон. Таким образом, ментальность (сознание) в ее сложном взаимодействии с реальностью (бытием), а вернее, конфликт между двумя этими субстанциями породил «холодную войну».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и на Западе, и в России идет выработка новых подходов, предметом которых становится ментальная история «холодной войны». Если на Западе анализ идей, как движущих сил «холодной войны», идет от общего (конфликт идеологий: либерализм – свобода против марксизма – справедливости) к частному (проблемы диалога и коммуникации Восток–Запад), то в России обращение к культурологической составляющей «холодной войны» идет от частного («рижская аксиома», «чужой среди своих») к общему («холодная война» как культурный надлом). Также следует констатировать, что при изучении культурологических основ «холодной войны» американская историография более пристально концентрируется на коммунизме и антиамериканизме, в то время как российская историография критикует русофобию и американский либеральный экспансионизм [21].

На Западе и в России в ходе развития новой истории «холодной войны» складывается и новое понимание сути данной конфронтации. «Холодная война» все чаще рассматривается как ноосферное явление, сформировавшееся в ходе столкновения социокультурных и политических дискурсов –

комплексов идей и убеждений, взаимообусловленных менталитетом политических лидеров и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Painter D. S.** Oil recourses and the Cold War, 1945–1962 // The Cambridge History of the Cold War / ed. by Leffler M. P., Westad O. A. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010.– Vol. 1 – P. 486–508.
2. **Печатнов В. О.** Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – 752 с.
3. **Wohlforth W. C.** The elusive balance: power and perceptions during the Cold War. – N.-Y. : Cornell University Press, 1993. – 317 p.
4. **Saull R.** Rethinking theory and history in the cold war: The State Military Power and Social Revolution. – London : Routledge, 2001. – 238 p.
5. **Программа** по изучению холодной войны Лондонской школы экономической и политической науки (Cold War Studies Programme (CWSP) The London School of the Economics and Political science (LSE)). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www2.lse.ac.uk/IDEAS/programmes/coldWarStudiesProgramme/Home.aspx> (дата обращения: 31.05.2011).
6. **Проект** по изучению холодной войны Центра Вудро Вильсона в США (Cold War International History Project (CWIHP)). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=topics.home (дата обращения: 31.05.2011).
7. **Feis G.** From trust to terror: the onset of the cold war, 1945–1950. – Norton, 1970. – 428 p.
8. **Fousek J.** To lead the free world: American nationalism and the cultural roots of the Cold War. – UNC Press Books, 2000. – 253 p.
9. **Артемов В. Л.** Психологическая война в стратегии империализма. – М. : Международ. отношения, 1983. – 141 с.
10. **Волкогонов Д. А.** Психологическая война. – М. : Воениздат, 1983. – 288 с.
11. **Gaddis J. L.** The Cold War. A New History. – N.-Y. : Penguin Books, 2005. – 333 p.
12. **Leffler M. P.** For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the Cold War. – N.-Y. : Hill and Wang, 2007. – 586 p.
13. **Zubok V. M.** A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. – UNC Press Books, 2007. – 467 p.
14. **Ромер Ж.-К.** Холодная война или противостояние Восток – Запад: некоторые методологические размышления // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. – М. : ИВИ РАН 2003. – Т. 1. – 475 с.
15. **Батюк В. И., Евстафьев Д. Г.** Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. – М. : Рос. унив. изд-во, 1995. – 253 с.
16. **Кеннан Дж.** Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. – М. : Центрполиграф, 2002. – 479 с.
17. **Филитов А. М.** Холодная война: историографические дискуссии на Западе. – М. : Наука, 1991.– 198 с.
18. **Егорова Н. И., Чубарьян А. О.** «Холодная война» 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И.Егорова, А. О. Чубарьян. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
19. **Уткин А. И.** Вызов Запада и ответ России. – М. : Алгоритм, 2002. – 545 с.
20. **Мальков В. Л.** Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. – М. : Наука, 2009. – 494 с.
21. **Умбрашко К. Б.** Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 146–152.